

**СВЯЗЬ И СООТНОШЕНИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ И ЛИЧНЫХ ИНТЕРЕСОВ
В ПРАВООБЕСПЕЧИТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА**

© 2016

В.М. Корнуков, доктор юридических наук, профессор кафедры «Уголовный процесс и криминалистика»
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: уголовное судопроизводство; права личности; общественные интересы; личные интересы; коллизия интересов; совершенствование уголовно-процессуального законодательства.

Аннотация: В статье рассматриваются правовые аспекты связи и соотношения общественных и личных интересов в сфере уголовного судопроизводства. Под углом зрения обеспечения прав отдельных участников уголовно-процессуальной деятельности анализируются изменения, вносимые в УПК РФ. Выявляются и на конкретных примерах демонстрируются содержащиеся в них коллизии общественных и личных интересов. Формулируются предложения по их устранению.

Правовое регулирование общественных отношений призвано обеспечивать должный порядок в обществе, содействовать развитию общества и личности. Чрезвычайно важным аспектом правового регулирования является определение взаимоотношений личности, общества и государства, соотношения общественных и личных интересов в правоприменительной практике.

Для правовой науки эти проблемы всегда были первостепенными, потому что от их решения зависит не только технико-юридическое содержание действующего законодательства, но и его социальная значимость. В литературе они, как правило, освещаются с учетом социально-политической обстановки в стране, мировоззренческих представлений, господствующих в обществе. Так, в советское время в обществе и соответственно в законе в числе первых в системе социальных ценностей стояли государственные, общественные интересы. Человек, гражданин, личность широко декларировались в качестве приоритетной ценности, тем не менее, когда речь заходила о выстраивании системы социальных ценностей и структурировании интересов, то личные интересы всегда следовали за государственными и общественными. Эта схема была исходной для всего советского законодательства. В основе такого подхода лежала идея удовлетворения личных интересов посредством и через государственные и общественные интересы. Человек – часть общества, и он может быть обеспечен и счастлив только при условии, если обеспечено и счастливо общество. Гармонизация общественных и личных интересов по этой схеме предполагала приоритет социальности человека.

Уголовно-процессуальное право как неотъемлемая часть советского права не могло не отвечать этим взглядам. Обслуживая общественные отношения, сложившиеся в стране к началу 2-й половины XX в., Уголовно-процессуальном Кодексе РСФСР (далее – УПК РСФСР) 1960 г. при регламентации уголовно-процессуальной деятельности, определении ее задач, методов и способов их выполнения исходил из культивировавшийся в то время идеи первостепенной значимости государственных и общественных интересов, с обеспечением которых увязывалось удовлетворение и обеспечение интересов отдельного человека, отдельной личности. Отсюда задачи уголовного судопроизводства определялись, прежде всего, посредством закрепления требования раскрытия каждого преступления, установления во всех случаях лиц, совершивших уголовно наказуемое деяние. Кроме того, в них включались такие общественно значимые аспекты, как укрепление законности в обществе, воспитание граждан в духе соблюдения норм права и нравственности (ст. 2 УПК РСФСР). Соответствующим образом законодатель выстраивал и регламентировал систему принципов уголовного процесса и деятельность по выполнению указанных задач. Как известно, в законе не было упоминания о принципах презумпции невиновности, состязательности, в существенно ограниченных пределах действовал принцип обеспечения обвиняемому права на защиту, расплывчатыми выглядели положения,

касающиеся обеспечения чести, достоинства и неприкосновенности личности. Они явно не соответствовали международно-правовым требованиям и стандартам в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. При осуществлении целого ряда процессуальных действий не соблюдались права заинтересованных лиц, вовлеченных в уголовно-процессуальную деятельность. Например, не всякий подозреваемый в совершении преступления человек мог воспользоваться услугами адвоката, нельзя было обжаловать действия и решения органов предварительного расследования в суд. Ни потерпевшему, ни обвиняемому при ознакомлении с материалами уголовного дела не разрешалось копировать их, использовать при этом соответствующие технические средства. Применение заключения под стражу в качестве меры пресечения допускалось на основании только одной общественной опасности преступления, которое вменялось в вину обвиняемому, и т. д. Тем не менее всё это большинством ученых и практиков воспринималось как вполне нормальное и допустимое явление, поскольку в основе законодательной регламентации уголовно-процессуальной деятельности превалировал общественный, публичный интерес.

Возведя в ранг первоочередной и основной социальной ценности права и свободы человека, постперестроенное законодательство подвергло сомнению идею гармонизации личных и общественных интересов. Человек стал декларироваться в виде бога, которому «поклоняется» всё остальное: государство, общество, производство, экономика и т. д. Если раньше развитие и совершенствование государства, общества, общественных отношений рассматривались как залог и основа развития и совершенствования человека, обеспечения его личных запросов и интересов, то теперь в качестве основного звена общественного прогресса предстает человек, на которого работает все: общество, государство, все государственные и общественные институты. Такое представление о взаимоотношениях общества и личности, общественных и личных интересов тоже не лишено лукавства. Если раньше система отношений «общество – человек» закрепощала человека оковами зависимости от государственных и общественных институтов, «винтиком» которых он был, то теперь идеализированный, обожествленный человек, незаинтересованный в развитии общественных институтов, во многом предоставлен самому себе, правда, с надеждой, что весь остальной социум «вращается» вокруг него и для него. Эта идеальная модель на деле оказывается не лучшей той, на смену которой она пришла.

Человек как социальное существо не может быть независимым от общества, от общественных интересов. Известное утверждение, что жить в обществе и быть свободным от общества нельзя, в полной мере относится и к определению соотношения личных и общественных интересов в праве, в правовом регулировании, в том числе касающемся уголовно-процессуальной деятельности. Утверждая в ст. 6 УПК РФ, что защита прав и законных интересов лиц и организаций от преступлений

является назначением уголовного судопроизводства, законодатель имеет в виду права и интересы не отдельного человека или отдельной организации, а одновременно всех людей, всех предприятий, учреждений и организаций, т. е. публичный уровень прав и интересов. Права и интересы конкретной личности в этом случае включаются в общественный интерес, приобретает публичный характер. Хотим мы того или нет, но личность, ее права и интересы могут быть удовлетворены и защищены только в том случае, когда должным образом обеспечиваются и защищаются общественные интересы. Общественные интересы, общественная безопасность определяют возможность удовлетворения личных интересов и обеспечения личной безопасности. Следовательно, положение, закрепленное в ст. 2 Конституции РФ, – это своеобразный лозунг, под которым власть обещает и должна управлять страной и обществом. Личность, ее права, свободы и законные интересы определяют правовую регламентацию взаимоотношений государства, человека и гражданина постольку, поскольку это позволяют общественные, государственные интересы на том или ином этапе развития общества.

Баланс общественных и личных интересов вообще трудноуловим, а в уголовном судопроизводстве особенно, ввиду того, что стремление найти и обеспечить привлечение к уголовной ответственности лица, совершившего преступление, всегда связано с риском ограничения прав, свобод и законных интересов других лиц, в том числе непричастных к совершенному преступлению. Кроме того, в практической деятельности при реализации этих задач всегда довлеет ответственность за неустановление виновного, т. е. за нераскрытие преступления, что обременяет чашу весов не в пользу личности.

Безусловно, обновленное российское уголовно-процессуальное законодательство, основываясь на идее естественного происхождения основных прав и свобод человека, приоритете прав и свобод личности в отношениях с государством и обществом, существенно изменило правовую регламентацию уголовно-процессуальной деятельности и многих сторон процессуального статуса лиц, принимающих участие в ее осуществлении. Прежде всего, УПК РФ дал новое определение задач уголовного судопроизводства. Они в большей мере отражают социальное назначение уголовного процесса и сформулированы с учетом конституционной трактовки общественной значимости прав, свобод и интересов личности. Закон достаточно четко определил правовую базу уголовного судопроизводства, запретил применение при этом федеральных законов, противоречащих ему; предусмотрел главу о принципах, возвел в их ранг требование об уважении чести и достоинства личности, охране прав и свобод человека и гражданина, презумпцию невиновности, право на обжалование процессуальных действий и решений. Особую ценность в рассматриваемом плане имеет закрепление в законе принципа состязательности и ограничение возможности возвращения из суда уголовного дела для его доследования. Эти правила, во-первых, ставят процессуальные стороны в более или менее равное положение в суде, где они имеют возможность ссылаться на материалы уголовного дела и имеющиеся в их распоряжении доказательства, не боясь изменения доказательственной базы в случае признания судом ее недостаточности, как это было ранее. Во-вторых, они делают уголовный процесс более «прозрачным», обязывающим для сторон и менее продолжительным по времени.

Важной составляющей новой доктрины регламентации уголовно-процессуальных отношений является существенное расширение прав и возможностей граждан, вовлекаемых в уголовный процесс, на обжалование действий (бездействия) и решений соответствующих должностных лиц и органов. Это положение в действующем УПК РФ приобрело значение одного из важнейших принципов уголовного судопроизводства (ст. 19). Теперь

не только участники уголовного судопроизводства, но и иные лица, чьи права и интересы затрагиваются производимыми процессуальными действиями, вправе обжаловать действия (бездействие) и решения дознавателя, органа дознания, следователя и прокурора, как в общепринятом порядке, так и в суд.

Немаловажное значение для обеспечения прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве имеет практическая реализация в уголовно-процессуальном законодательстве конституционной идеи о правообеспечительной роли правосудия, распространение ее на досудебное производство по уголовным делам. Закрепление в УПК РФ (ст. 29) правила, согласно которому применение в качестве меры пресечения заключения под стражу и домашнего ареста, продление срока действия этих мер пресечения, производство целого ряда других следственных и процессуальных действий, связанных с ограничением конституционных прав и свобод личности, только по судебному решению, выступает серьёзным барьером, способным при определённых условиях исключить необоснованное стеснение участников уголовного судопроизводства. Тем же эффектом обладают и многие другие нововведения, получившие закрепление в действующем уголовно-процессуальном законодательстве, содержание которого продолжает подвергаться изменению практически постоянно. За 15 лет действия УПК РФ было принято около двухсот законов (иногда очень больших по объёму), изменяющих и дополняющих его содержание.

К сожалению, нормативное оформление многих законодательных новшеств, в том числе и последних, вызывают серьёзную озабоченность. Некоторые из них нередко не согласуются с принципиальными положениями российского уголовного судопроизводства, в том числе с принципами юридического равенства, равноправия сторон и создают искусственные препятствия для реализации прав лиц, прямо заинтересованных в исходе уголовного дела. Кроме того не является секретом, что практическое применение даже самых лучших в рассматриваемом плане норм существенно отличается от их доктринального выражения в законе и соответствующих намерений законодателя. Так, довольно активно проводившаяся в последнее время законотворческая деятельность по совершенствованию отдельных элементов правового статуса потерпевшего [1–3] позволяла воспринимать это как устойчивую осознанную тенденцию к признанию его в качестве полноправного участника уголовного процесса, соотносимого по своему влиянию на соответствующую деятельность с подозреваемым и обвиняемым. Однако на деле оказалось далеко не так. Статья 249 УПК РФ, допускающая судебное разбирательство уголовного дела в отсутствие потерпевшего без выяснения причин его неявки в суд, до сих пор действует в первоначальной редакции. Введённая Законом РФ от 3 июля 2016 г. новая разновидность Особого порядка уголовного судопроизводства (гл. 51.1 УПК РФ), предусматривающая освобождение подозреваемого, обвиняемого от уголовной ответственности с прекращением уголовного дела или уголовного преследования и назначение меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа, даже не упоминает о мнении потерпевшего по существу осуществляемой при этом деятельности и необходимости его выяснения. Нет ничего по этому вопросу и в ст. 25.1 УПК РФ, введённой тем же законом, в которой изложены основания применения указанного выше порядка уголовного судопроизводства. Видимо, предполагается, что потерпевший в этих случаях должен довольствоваться тем, что ему возмещён либо иным образом заглажен причинённый преступлением вред. Возможно, это сделано для того, чтобы исключить совпадение вновь вводимого основания прекращения уголовного дела или уголовного преследования с основанием, предусмотренным ст. 75 УПК РФ. Но там должно быть примирение, которого здесь не требуется. Это совер-

шенно самостоятельное основание, обусловленное только категорией преступления и возмещением вреда, причиненного преступным деянием, рассчитанное на случаи, когда потерпевший, как жертва преступного деяния, не возражает против возмещения вреда, но не готов к примирению с обвиняемым.

Поскольку интересы потерпевшего в уголовном процессе как представителя стороны обвинения не исчерпываются взысканием вреда, причиненного преступлением, его мнение не должно полностью игнорироваться при прекращении уголовного дела или уголовного преследования, особенно связанном с освобождением подозреваемого, обвиняемого от уголовной ответственности. Представляется, что решение следователя и дознавателя, предусмотренное в ч. 2 ст. 446.2 УПК РФ, следовало бы увязать с отсутствием возражения против этого со стороны потерпевшего. В судебном разбирательстве, где, надо отдать должное законодателю, участие потерпевшего признаётся обязательным, а рассмотрение дела в его отсутствие допускается только при неявке без уважительных причин, мнение этого участника будет учитываться судом по общим правилам уголовного судопроизводства.

Не менее актуален рассмотренный аспект регламентации нового порядка уголовного судопроизводства и применительно к подозреваемому и обвиняемому. По закону требуется их согласие на прекращение уголовного дела или уголовного преследования и применение порядка, предусмотренного гл. 51.1 УПК РФ. Но в законе не упоминается об их отношении к вменяемому им в вину преступному деянию. Хотя, судя по последствиям принимаемого судом решения, они фактически признаются виновными в совершении этого деяния. Ведь нельзя же наказывать судебным штрафом невиновное лицо. В связи с этим возникает вопрос: может ли быть применён порядок судопроизводства, предусмотренный гл. 51.1 УПК, к случаям, когда подозреваемый, обвиняемый возместил или загладил иным способом вред, причиненный преступлением, но виновным себя в совершении преступления не признаёт? Такое поведение обвиняемого на практике встречается. Например, Евгений Дод, обвиняемый в растрате чужого имущества, возместил корпорации 73,2 млн рублей, но виновным себя в совершении преступных действий не признал [4]. Думается, что такие ситуации не вписываются в порядок, регламентированный гл. 51.1 указанного акта, даже при отсутствии на то соответствующего возражения подозреваемого или обвиняемого.

В свете изложенного обстоятельства, связанного с признанием вины и виновности, порядок, предусмотренный главой 51.1 УПК РФ, призванный облегчить положение лиц, впервые совершивших преступления небольшой и средней тяжести, посредством исключения из их биографии признака судимости, вряд ли оправдывает замысел авторов этой идеи. Потому что сведения об отсутствии юридической и присутствии фактической судимости у этих лиц будут сопровождать их всю жизнь, поскольку найдут отражение в документах спецслужб Министерства внутренних дел Российской Федерации и всегда будут отражаться в запрашиваемых у них и выдаваемых ими справках о наличии (отсутствии) судимости. Любой юрист может заведомо предсказать педагогическую, воспитательную и другую подобного рода судьбу человека, прошедшего рассматриваемый институт.

Достаточно выразительно отмеченная выше тенденция законотворческой и правоприменительной деятельности проявилась в одном из последних, по существу «скандальном», случае обращения в Конституционный Суд жительницы Челябинской области Алёны Лымарь, обвиняемой в убийстве своей дочери, с жалобой о лишении её права на суд с участием присяжных заседателей [5]. Кстати, о том же, с точки зрения буквального толкования п. 1 ч. 3 ст. 31 УПК РФ, может идти речь и о мужчинах старше 65 лет, а также о несовершеннолетних. Вопрос о дискриминации указанной категории граждан

в связи с лишением их права на суд присяжных был обусловлен произошедшим в 2013 г. [6] перераспределением подсудности уголовных дел. Все дела, ранее рассматриваемые областными и другими равными им судами, по которым в соответствии с Уголовным кодексом РФ (далее – УК РФ) не может быть назначено наказание в виде пожизненного лишения свободы или смертная казнь (именно к таковым относится уголовное дело Лымарь), были отнесены к подсудности районных судов, где отсутствует указанная выше форма правосудия. Таким образом, гуманное по своей сути законодательное новшество в определённой части вылилось по существу в ограничение Конституционного права обвиняемых. Попытки оправдать создавшуюся ситуацию тем, что право быть судимым судом с участием присяжных не относится к числу основных прав человека, а является лишь одной из возможных процессуальных гарантий, которые законодатель устанавливает по своему усмотрению (позиция представителей администрации Президента, Госдумы и Генпрокуратуры), или что не менее эффективной формой судебной защиты является рассмотрение дела коллегией из трёх судей (мнение представителя Верховного суда РФ), ничего не меняют. Если у человека согласно Основному закону страны есть право быть судимым за совершение определённого противоправного деяния судом присяжных (кстати, Конституция РФ это право не связывает с полом, возрастом и другими свойствами человека), то ему и решать вопрос о возможности и целесообразности использования этого права для защиты своих интересов при его обвинении в совершении соответствующего преступления. Всё остальное от лукавого.

Многие наши беды обусловлены излишним, во многих случаях беззащитным и беспечным навязыванием представлений о том, что хорошо и что плохо, знаний о том, как жить, какие и когда использовать права и т. д. За таким, внешне заботливым, подходом к людям нередко стоят (скрываются) совсем иные, не всегда искренние интересы, сводящиеся к оправданию существующей действительности, правовой неопределённости, а то и несправедливости. Нередко почва для такого подхода создаётся самим законодателем, что и проявилось в рассматриваемом случае, потому что признак, определивший подсудность указанной группы уголовных дел, в законе сформулирован как минимум некорректно. Отсутствие угрозы назначения наказания в виде пожизненного лишения свободы или смертной казни, при нынешней регламентации случаев применения этих уголовно-правовых средств, не может использоваться в качестве основного критерия определения подсудности уголовных дел. Поэтому весьма уместной и чрезвычайно важной для регулирования уголовно-процессуальных отношений является позиция Конституционного Суда РФ, выраженная им по этому вопросу при обосновании решения по делу Лымарь. Отметив, что дискреция федерального законодателя в регулировании правоотношений, определяющих реализацию права на доступ к правосудию и права на законный суд, не является абсолютной и не освобождает его от обязанности при конкретизации предписаний статей 17 (части 1 и 3), 19 (части 1 и 2), 21, 46 (часть 1), 47 (часть 2), 55 (часть 3) и 123 (часть 4) Конституции РФ, в том числе касающихся суда с участием присяжных заседателей как законного состава суда по уголовным делам применительно к определённым категориям преступлений, действовать правомерным образом, Конституционный Суд РФ указал, что федеральный законодатель при этом «не вправе допускать произвольный и необоснованный отказ от этой формы судопроизводства при рассмотрении дел по тем конкретным составам преступлений, где она уже предусмотрена» [6].

Учитывая отмеченные и другие обстоятельства, Конституционный суд РФ признал положения пункта 1 части третьей статьи 31 УПК РФ в той мере, в какой в

системе действующего правового регулирования, в том числе во взаимосвязи с пунктом 2 части второй статьи 30 УПК РФ, частью второй статьи 57 и частью второй статьи 59 УК РФ, ими исключается возможность рассмотрения судом в составе судьи верховного суда республики, краевого, областного или другого равного им по уровню суда и коллегии из двенадцати присяжных заседателей уголовного дела по обвинению женщины в совершении преступления, предусмотренного частью второй статьи 105 УК РФ, не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 17 (части 1 и 3), 19, 47, 55 (часть 3) и 123 (часть 4). Федеральному законодателю предписано – исходя из требований Конституции Российской Федерации и с учетом выраженной правовой позиции – внести в УПК РФ изменения, обеспечивающие женщинам реализацию права на рассмотрение их уголовных дел судом с участием присяжных заседателей, как это право определено Конституцией РФ, на основе принципов юридического равенства и равноправия сторон и без какой бы то ни было дискриминации.

С объективной точки зрения необходимо исправлять создающуюся ситуацию. Сделать это с точки зрения законодательного оформления не сложно. Надо из п. 1 ч. 3 ст. 31 УПК РФ убрать соответствующий текст, размером в три строки, указанные выше уголовные дела (в том числе дела о преступлениях несовершеннолетних) [7] останутся в подсудности краевых, областных и им равных судов и всё встанет на свои места. Эти дела не станут большой обузой для деятельности областных и равных им судов. Тем более что рассмотрение указанной категории дел с участием присяжных заседателей носит вариативный характер и осуществляется по ходатайству обвиняемого.

Высказанное предложение по устранению рассматриваемого противоречия УПК РФ Основному закону рассчитано на период до 1 июня 2018 г., потому что с указанной даты вступает в силу Федеральный закон от 23 июня 2016 г., которым вводится двухуровневая система судов с участием присяжных заседателей [8]. По этому акту уголовные дела о преступлениях, предусмотренных статьями 105 ч. 2, 277, 317 и 357 УК РФ, по которым в соответствии с положениями УК РФ в качестве наиболее строгого вида наказания не могут быть назначены пожизненное лишение свободы или смертная казнь, а также уголовные дела в преступлениях, предусмотренных ч. 1 ст. 105 и ч. 4 ст. 111 будут рассматриваться судьей районного суда, гарнизонного военного суда и коллегией из шести присяжных заседателей.

Что касается самой идеи реформирования суда присяжных и выведения его на уровень районного звена судебной системы, то ее законодательное воплощение нельзя не поддержать. Хотя в этом есть определенные проблемы, поскольку суд присяжных в Российской Федерации стал своеобразной «сверхценной идеей», которую то активно развивают, то до активно «сворачивают»

до потери ею какой-либо социальной значимости. Поэтому данная тема заслуживает отдельного самостоятельного освещения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 29 декабря 2010 г. № 433-ФЗ // Российская газета. 2010. № 5376. 31 декабря.
2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве: Федеральный закон РФ от 28 декабря 2013 г. № 432-ФЗ // Российская газета. 2010. № 6271. 30 декабря.
3. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации по вопросу участия потерпевших при рассмотрении судом вопросов, связанных с исполнением приговора: Федеральный закон РФ от 30 марта 2015 г. № 62-ФЗ // Российская газета. 2015. № 6642. 6 апреля.
4. Федосенко В. Премия на миллионы // Российская газета. 2016. № 223. 4 октября.
5. По делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки А.С. Лымарь: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 25 февраля 2016 г. N 6-П г. Санкт-Петербург // Российская газета. 2016. № 6919. 11 марта.
6. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и статьи 1 и 3 Федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации» по вопросам совершенствования процедуры апелляционного производства: Федеральный закон от 23 июля 2013 г. N 217-ФЗ // Российская газета. 2013. № 6139. 26 июля.
7. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 мая 2014 г. № 16-П город Санкт-Петербург «по делу о проверке конституционности пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.А.Филимонова» // Российская газета. 2014. № 6396. 4 июня.
8. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей: Федеральный закон от 23 июня 2016 г. N 190-ФЗ // Российская газета. 2016. № 7007. 28 июня.

COMMUNICATIONS AND RELATION PUBLIC AND PRIVATE INTERESTS IN THE RIGHT TO SECURITY IN CRIMINAL PROCEEDINGS

© 2016

V.M. Kornukov, doctor of legal sciences, professor, professor of the chair “Criminal procedure and criminalistics”
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: criminal justice; individual rights; public interests; personal interests; conflict of interest; improvement of criminal procedural law.

Abstract: The article examines the legal aspects of the relationship and the ratio of public and private interests in criminal proceedings. At an angle of view of the rights of individual participants in criminal procedure analyzes the changes made to the Code of Criminal Procedure. Identified and specific examples demonstrated they contain conflict of public and private interests. Formulates proposals for their elimination.